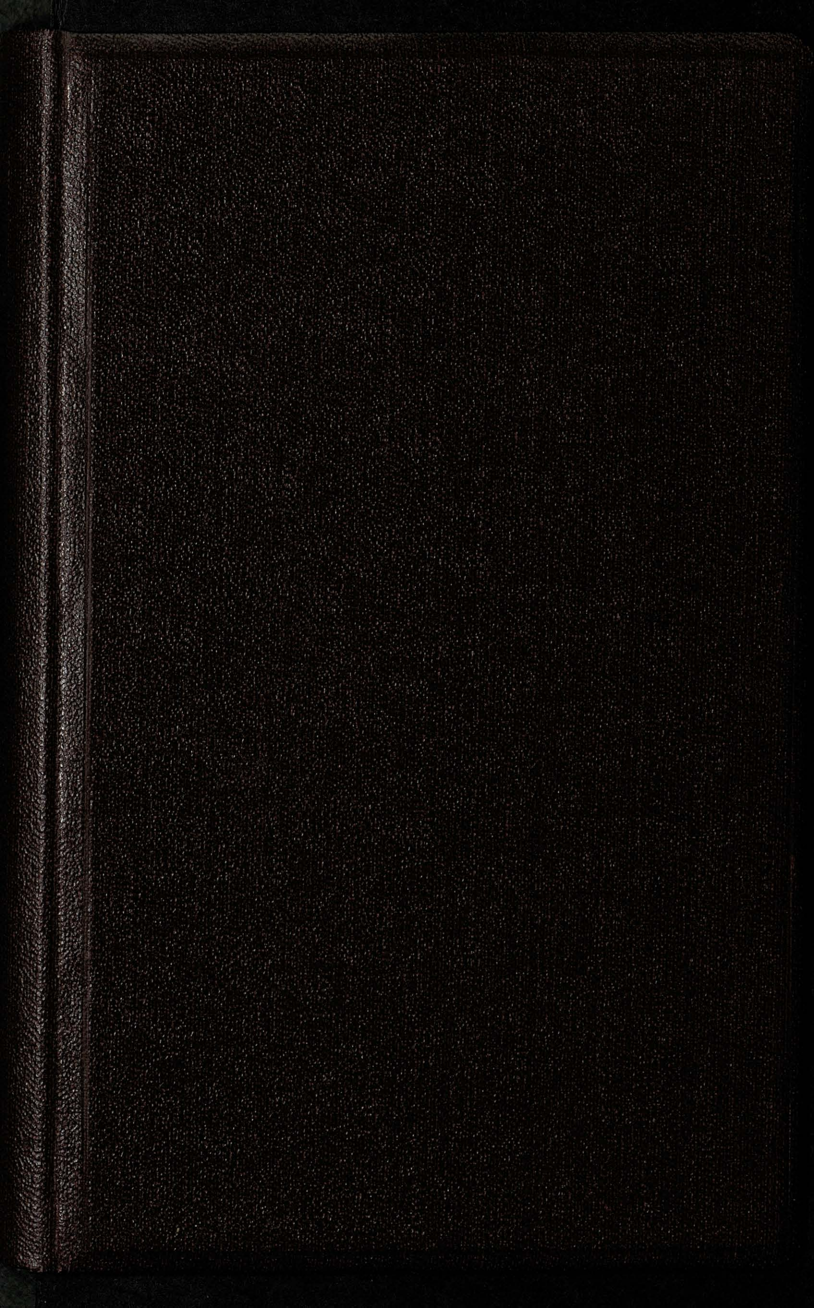

О
НѢМЕЦКИХЪ СЛОВЕСНЫХЪ НАУКАХЪ,

Ихъ недостаткахъ,
тому причинахъ
и
Какими способами оныя исправлены быть могутъ.

С Французскаго переведено
Артиллеріи Офицеромъ
Андреемъ Меэеромъ.

ВЪ МОСКВѢ,
въ Университетской Типографіи, у Н. Новикова,
1781 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ, о Нѣмецкихъ Словесныхъ Наукахъ, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской* Типографіи *книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ.* Коллежскій *Совѣтникъ* Краснорѣчія Профессоръ *и* Ценсоръ *печатаемыхъ въ Университетской* Типографіи *книгъ*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ,

ГОСПОДИНУ

ГЕНЕРАЛЪ-АНШЕФУ,

СЕНАТОРУ

И

ВСѢХЪ РОССІЙСКИХЪ ОРДЕНОВЪ КАВАЛЕРУ,

ГРАФУ

ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ

ПАНИНУ,

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

Опытами доказанная любовь Вашего Сіятельства къ отечеству и покровительство трудящимся для пользы общества побудили меня посвятить сей мой малый трудъ Вашему Высокографскому Сіятельству, совершенно увѣренъ будучи, что онъ получитъ новый блескъ отъ украшающаго его Вашего имяни, и что великодушіе

Вашего

Вашего Сіятельства прося мнѣ сію смѣлость, дозволить навсегда съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностью пребывать

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь,

Вашего Высокографскаго Сіятельства

всепокорнѣйшій слуга

Андрей Меэеръ.

Вы удивляетесь, Государь мой, что я не соглашаюсь съ Вами въ разсужденіи похвалъ, приписуемыхъ Вами ежедневному успѣху словесныхъ наукъ въ Германіи. Я люблю равно какъ и Вы общее наше отечество, и по сей самой причинѣ остерегаюсь хвалить ихъ прежде, нежели они похвалы заслужили: сіе бы было такъ, какъ бы кто хотѣлъ провозгласить побѣдителемъ человѣка, еще на половинѣ пути своего находящагося; но мои похвалы будутъ тогда какъ искренны, такъ и справедливы, когда онъ достигнетъ до своей цѣли.

А Вамъ

Вамъ извѣстно, что въ общеcтвѣ наукъ мнѣнія суть вольныя. Вы разсматриваете предмѣты въ такомъ, а я въ другомъ видѣ; и такъ позвольте мнѣ изъясниться и открыть Вамъ какъ мысли, такъ и воображеніе мое о древнихъ и новыхъ словесныхъ наукахъ, въ разсужденіи языка, и знаній, а наипаче вкуса.

Я начинаю Греціею, которую по справедливости назвать можно колыбелью вышнихъ наукъ. Народъ сей говорилъ языкомъ наипріятнѣйшимъ, который когда либо былъ для слуха. Стихотворцы были первые его Богословы, и первые его Историки, и они-то съ успѣхомъ выправили свой языкъ, ввели въ него множество красивыхъ выраженій и научили послѣдователей своихъ пріятно, учтиво и съ благопристойностью изъясняться.

Изъ

Изъ Аѳинъ перехожу я въ Римъ и нахожу тамъ республику, борющуюся долгое время съ своими сосѣдями, и сражающуюся за славу и самодержавство. Все зависило въ семъ правленіи отъ суровости и силы; и она не прежде возъимѣла вкусъ къ наукамъ, какъ превзошла Карѳагену свою соперницу. Великій Африканъ, другъ Лелія и Полибія, былъ первый Римлянинъ, покровительствовавшій науки. Потомъ слѣдовали Гракхи, а за ними Антоній и Крассъ, два славнѣйшіе своего времяни Риторы. Словомъ сказать языкъ, стиль и краснорѣчіе Римскихъ, не прежде достигли до своего совершенства, какъ во время Цицерона, Гортензія, и другихъ вѣкъ Августа прославившихъ мужей.

Краткое сіе разсматриваніе изображаетъ мнѣ порядочное теченіе вещей. Я предувѣренъ, что

никакій авторъ не можетъ складно писать, естьли произносимый имъ языкъ неисправленъ и непросвѣщенъ; и я примѣчаю, что во всѣхъ земляхъ начинаютъ сперва нужнымъ, чтобъ потомъ присоединить къ оному то, что намъ приноситъ удовольствіе. Римская республика составляется, сражается для завоеванія земель и удобряетъ ихъ, а когда ужè по окончаніи Пуническихъ браней утвердилась, тогда и вкусъ къ наукамъ въ нее вселяется, и краснорѣчіе и языкъ Латинскій доходятъ до своего совершенства. При чемъ не пропущаю я безъ примѣчанія и того, что отъ Африкана перваго до Консульства Цицерона почитается сто шестьдесять лѣтъ.

Изъ того заключилъ я, что успѣхи во всякой вещи медлительны, и что посаженное въ землю

зерно

зерно должно вкорениться, возрасти, распространить свои отрасли и укрѣпиться, прежде нежели произведетъ цвѣты и плодъ. По симъ правиламъ изслѣдываю я потомъ Нѣмецкую землю, чтобъ по справедливости цѣнить положенiе, въ которомъ мы находимся, и очищаю разумъ свой отъ всякаго предразсужденiя; одна только истинна должна меня освѣщать. Я нахожу почти варварскiй языкъ, который раздѣляется на столькожъ различныхъ нарѣчiй, сколько содержитъ въ себѣ Нѣмецкая земля провинцiй. Каждый округъ почитаетъ простолюдинскую свою рѣчь за лучшую, и еще не существуетъ опредѣленнаго народнымъ согласiемъ собранiя, въ которомъ бы найти можно было избранiе словъ и рѣчей чистоту языка составляющихъ. Писанное въ Швабiи невразумительно въ Гамбургѣ,

а стиль Австрійскій кажется темнымъ въ Саксоніи. Такъ и по естественному изслѣдыванію не возможно, чтобъ авторъ, хотя лучшими природными дарованіями одаренный, могъ превосходно управлять симъ грубымъ языкомъ. Естьли требуютъ отъ Фидія, чтобъ онъ здѣлалъ статую Венеры въ Гнидѣ обожаемыя, то пусть ему дадутъ кусокъ чистаго и цѣлаго мармора, острыя долоты, и хорошее ваяло, онъ тогда въ томъ успѣть можетъ, ибо безъ орудія и художникомъ быть не можно. Можетъ быть мнѣ упрекнутъ, что Греческія республики издревлѣ такія же имѣли различныя свойства въ своемъ языкѣ, какъ и мы, присовокупляя къ тому, что и въ нынѣшнія времена различаютъ отечество Италіянцовъ стилемъ и произношеніемъ, которыми страна отъ страны между собою отличаютъ-

личаются. Я о томъ не сомнѣваюсь, и сіе не возпрепятствуетъ намъ слѣдовать продолженію произшествій какъ въ древней Греціи, такъ и въ нынѣшней Италіи. Стихотворцы, риторы, славные историки совершили языкъ свой писаніями своими. Народъ съ согласнымъ молчаніемъ принялъ употребленные въ твореніяхъ славныхъ своихъ писателей обороты, рѣчи и Метафоры *): и сіи выраженія ставъ обычайными, украсили свой языкъ и возвышая его обогатили.

Обратимъ теперь взоръ свой на наше отечество: я слышу простую, невразумительную и пріятности лишенную рѣчь, которою всякъ по произволенію своему управляетъ, не къ статѣ вмѣщенныя сло-

*) Метафора есть риторское сравненіе, употребленіемъ одного слова въ другомъ разумѣ.

слова, собственныя и выразитель-нѣйшія имена въ пренебреженіи, и смыслъ вещей потопленный въ морѣ пустыхъ и пышныхъ рѣчей. Я стараюсь открыть подобіе нашихъ Гомеровъ, Виргиліевъ, Анакреонтовъ, Горацiевъ, Димосѳеновъ, Ѳукидидовъ, и Титовъ Ливіевъ, но не нахожу ничего, и труды мои тщетны. И такъ будемъ откровенны и признаемся по правдѣ, что словесныя науки по сіе время еще не процвѣли въ нашихъ странахъ. Были въ Нѣмецкой землѣ Философы, которые удержали сравненіе съ древними, и кои во многихъ родахъ писанія ихъ еще и превзошли, но я предоставляю себѣ упомянуть о нихъ послѣ. Чтожъ лежитъ до вышнихъ наукъ, то мы также должны признать свой во оныхъ недостатокъ; и все, что я могу о нихъ сказать, не опасаясь сдѣлаться подлымъ льстецомъ

цомъ соотечественниковъ своихъ, состоитъ въ томъ, что въ низкомъ родѣ басней имѣли мы одного Геллерта, который могъ занять мѣсто возлѣ Федра и Эзопа: Стихотворенія Каница сносны, не столько со стороны слога, сколько въ слабомъ подражаніи Горацію. Не позабуду я притомъ и Геснеровыхъ идиллій *), которыя находятъ еще своихъ любителей, но со всемъ тѣмъ, позвольте мнѣ имъ предпочесть творенія Катулла, Тибулла и Проперція. Пересматривая Историковъ, нахожу только Исторію Германскую Профессора Маска, о которой могу упомянуть, какъ о меньше обезображенной. Желаете ли вы, чтобъ я съ вами чистосердечно говорилъ о достоинствѣ нашихъ риторовъ?

*) Идиллія, пастушескіе стихи о полевомъ веселіи.

я только Вамъ могу представить славнаго Кванта Кенигсбергскаго, который обладалъ рѣдкимъ и единымъ даромъ придавать своему языку пріятность въ произношеніи, но я къ стыду нашему долженъ признаться, что достоинства его не были ни признаны, ни прославлены. Возможноль требовать отъ людей, чтобъ они прилагали свои старанія, здѣлаться совершенными въ своемъ родѣ, когда слава не будетъ ихъ награжденіемъ? Я присоединю къ числу упомянутыхъ мною теперь писателей одного безъимяннаго издателя, бѣлые стихи котораго я читалъ; порядокъ и счетное сложеніе словъ ихъ (cadence) и оныхъ согласіе происходили отъ особливаго смѣшенія однаго длиннаго и двухъ короткихъ слоговъ (Dactyle) съ двумя равнодлинными (ſpondée); они преисполнены были смысломъ,

и

и слухъ мой наиприятнѣйше удовольствованъ былъ равногласнымъ и яснымъ ихъ произношеніемъ, къ которому я не считалъ языкъ нашъ способнымъ. Осмѣливаюсь заключить, что сей родъ стихотвореній есть можетъ быть сходнѣйшій съ свойствами нашихъ рѣчей, и что онъ гораздо предпочтительнѣе риѳмѣ; и думать должно, что естьлибъ постарались сдѣлать его совершеннымъ, то великій бы въ томъ пріобрѣли успѣхъ.

Я не упоминаю вамъ о нѣмецкомъ Ѳеатрѣ. Мелпомена была только посѣщена непросвѣщенными любителями, изъ коихъ одни на костыляхъ, другіе ползая по грязи, и всѣ какъ возмутители ея уставовъ, не знающіе ни привлекать, ни возбуждать чувствіе, отогнаны были отъ ея жертвенниковъ. Любители Таліи были

щастли-

щастливѣе; по крайней мѣрѣ они намъ доставили истинную и нравамъ нашей земли соотвѣтствующую комедію; я говорю о Постъцугѣ *): во оной выводитъ сей стихотворецъ наши обычаи, и смѣха достойные пороки на Ѳеатръ. Естьлибъ и Моліеръ надъ подобнымъ предмѣтомъ трудился, тобъ не успѣлъ лучше. Сожалѣю, что не могу вамъ выхвалить подробнѣе роспись хорошихъ нашихъ произведеній: я не обвиняю въ томъ народъ; ему не недостаетъ ни разума, ни природныхъ склонностей; но онъ удержанъ былъ причинами, воспрепятствовавшими ему, возвыситься съ сосѣдями своими въ одно время. Возвратимся, естьли вамъ угодно, къ возстановленію наукъ и сравнимъ положеніе, въ ко-

*) Постцугъ, почтовый цугъ.

которомЪ находились Италія, Франція и Германія вЪ самое то время, какЪ происходила сія перемѢна вЪ разумѢ человѢческомЪ.

Вы знаете, что Италія вторично сдѢлалась ихЪ пребываніемЪ, что фамилія ЭстЪ, Медицисы и Папа ЛевЪ X, покровительствуя имЪ, способствовали ихЪ приращенію. Между тѢмЪ, какЪ Италія просвѢщалась, то Германія, спорами БогослововЪ колеблемая, раздѢлялась на двѢ противныя партіи, изЪ коихЪ каждая отличалась отЪ другой своею ненавистью, мысленнымЪ воображеніемЪ и сумазбродствомЪ. ВЪ самое сіе время предпріялЪ ФранцискЪ I. учавствовать сЪ Италіею вЪ славѢ вспомоществованія кЪ возтановленію наукЪ: но старанія его для преселенія ихЪ во свое отечество были напрасны и труды его безплодны. Государ-

дарство, истощенное платимымъ Гишпаніи за своего Государя выкупомъ, находилось въ ослабѣвающемъ состояніи. Возпослѣдовавшія вскорѣ послѣ смерти Франциска I. войны Союза, препятствовали гражданамъ упражняться въ словесныхъ наукахъ. И не прежде, какъ уже при концѣ владѣнія Людовика XIII., когда причиненныя междуусобными войнами раны изцѣлены были подъ правленіемъ Кардинала Ришельѐ, принялись опять за намѣреніе Франциска I. въ способствующее сему препріятію время. Дворъ ободрялъ ученыхъ и превосходнаго ума людей, и всякъ старался тому послѣдовать; такъ что немного спустя при владѣніи Людовика XIV, Парижъ не уступалъ уже ни Флоренціи, ни Риму. Чтожъ происходило тогда въ Германіи? Въ то время, какъ Ришелье покрытъ

былъ

былЪ славою просвѢщенія своего народа, начиналась притцати лѢтняя война. Германія раззорена и разграблена была дватцатью разными воисками, которыя хотя побѢдители, хотя побѢжденныя, но всегда влекли за собою опустошеніе. Деревни были раззорены, поля безЪ призрѢнія, города̀ пустые. Она почти не имѢла времени отдохнуть послѢ Вестфальскаго замиренія: то противилась силѢ Оттоманской тогда весьма страшной; то стояла она противЪ ФранцузскихЪ войскЪ, нападающихЪ на нее для разпространенія владѢнія ГалловЪ. ПовѢрятЪ ли, что когда Турки осаждали вѢну, или МелакЪ разграбрялЪ ПфальцЪ, когда пламена превращали вЪ пепелЪ селеніи и города, и убѢжище самой смерти нарушено было необузданнымЪ своевольствомЪ солдатЪ, которые

рые вытаскивали изъ гробницъ тѣла̀ Курфирстовъ, для обогащенія себя нещастными ихъ остатками; повѣрятъ ли, чтобъ въ тѣ минуты когда отчаянныя матери спасались изъ развалинъ своего отечества, неся на рукахъ отъ голоду истощенныхъ дѣтей своихъ, сочиняли въ Вѣнѣ и Мангеймѣ Сонеты *) или Эпиграммы **)? Нѣтъ, музы требуютъ спокойнаго убѣжища; онѣ удаляются тѣхъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ смятеніе, и гдѣ все находится въ раззореніи. И такъ мы не прежде начали исправлять потерянное нами отъ безпрерывныхъ нещастіи, какъ ужѐ послѣ Наслѣдственной войны. Слѣдовательно не разуму, и

*) Сонетъ, родъ стиховъ въ четырнатцати строкахъ.

**) Эпиграмма стихотворная на что нибудь надпись, или коротк҇ій остроумный стихъ.

и не склонности народа должно приписать малые наши успѣхи, а слѣдствію нещастливыхъ приключеній и продолженію браней, насъ раззорившихъ, и здѣлавшихъ бѣдными какъ людьми, такъ и деньгами.

Не отставайте отъ порядка произшествій, слѣдуйте стопамъ нашихъ предковъ, то вы похвалите управляющую ихъ поступками мудрость; они поступали точно такъ, какъ сходно было съ тогдашними ихъ обстоятельствами; начали упражняться въ деревенскомъ домостроительствѣ, и приводить опять въ состояніе свои земли, оставшіяся за неимѣніемъ трудолюбцевъ безъ призрѣнія; они возстановили раззоренные домы, и споспѣшествовали къ размноженію рода человѣческаго. Вездѣ прилѣпились къ обработыванію въ пустѣ оставленныхъ земель;

мель; многолюднѣйшее населеніе произвело охоту къ трудолюбію; ввелась и самая роскошь, сія гибель маленькихъ провинцій и средство умножающее обращеніе въ большихъ областяхъ. Словомъ сказать, путешествуйте нынѣ по Германіи, проѣжжайте ее отъ одного конца до другаго; вы повсемѣстно найдете селенія, превращенныя въ цвѣтущіе городà: тамъ увидите вы Минстеръ, по далѣе Кассель, здѣсь представится вамъ Дрезденъ и Эра Ступайте въ Франконію, вы въ ней найдете Вирцбургъ, Нирнбергъ. Естьли приближитесь къ Рейну, то проѣдите вы чрезъ Фулду и Франкфуртъ на Майнѣ, въ Мангеймъ, а изъ онаго въ Майнцъ и Боннъ. Каждый изъ сихъ городовъ представитъ дивящемуся путешественнику зданія, которыхъ онъ не ожидалъ найтти въ нѣдрахъ Герциніан-

цинiанскаго лѣса. И такъ мужественное трудолюбiе соотечественниковъ нашихъ не довольствовалось однимъ исправленiемъ убытковъ причиненныхъ прошедшими нашими злоключенiями; оно домогалось до вышней степени, и знало привесть къ совершенству то, чему предки наши положили только основанiе. Съ тѣхъ поръ, какъ произошли щастливыя сiи перемѣны, мы видимъ болѣе общественнаго довольствiя; цѣлая треть области уже не ослабѣваетъ въ презрѣнномъ униженiи; родители не вступая въ долгъ вспомоществуютъ ученiю дѣтей своихъ. Вотъ первые плоды произшедшiе отъ щастливой и нами ожидаемой перемѣны: Узы, связавшiе разумъ нашихъ предковъ, разорваны и истреблены; и примѣтно уже, какъ сѣмя благороднаго подражанiя произрастаетъ въ ихъ духахъ. Мы

начинаемъ стыдиться, что въ нѣкоторыхъ вещахъ не можемъ сравниться съ своими сосѣдими; желаемъ возвратить потерянное нашими нещастiями время не усыпными трудами; и вообще сказать, общенародный вкусъ есть нынѣ столь рѣшителенъ на все то, что можетъ просвѣтить наше отечество, что очевидно, что и мы съ нашей стороны съ оными расположенiями будемъ Музами введены въ храмъ славы. Разсмотримтежъ, какое средство остается намъ употребить къ искорененiю съ нашихъ полей всѣхъ терний варварства еще на нихъ находящихся и ко споспѣшествованiю успѣхамъ толико нашими соотечественниками желаемыхъ. Я уже вамъ напоминалъ, что должно начать съ исправленiя языка, который требуетъ складу и умноженiя, и имѣетъ нужду переправленъ быть иску-

искусными людьми. Ясность есть первое правило, которое должны наблюдать тѣ, кои говорятъ и пишутъ, поелику требуется начертать мысли и изъяснять вообраҗенiи свои словами. Къ чему служатъ наисправедливѣйшiя, наисильнѣйшiя и наиблистательнѣйшiя мысли, когда вы не стараетесь сдѣлать ихъ вразумительными. Многiе изъ нашихъ писателей находятъ удовольствiе писать пространно; они ставятъ заключенiе за заключенiемъ, и часто на концѣ ужѐ цѣлой страницы найдется глаголъ, отъ котораго зависитъ смыслъ всей рѣчи; ни что такъ не темнитъ складъ ихъ; вмѣсто того, чтобъ быть плодовитымя, оказываются они недостаточными, и скорѣе бы можно было отгадать таинственный смыслъ Сфинкса, нежели ихъ мы-

мысли. Другая причина столькоже вредительная ихъ успѣху, какъ и пороки приписуемые мною нашему языку и стилю нашихъ писателей, есть недостатокъ добраго ученія. Нашъ народъ обвиняемъ былъ пышнымъ ученіемъ, потому, что имѣли мы толпу надутыхъ и пустословныхъ писателей. Чтобъ избавиться отъ сихъ попрековъ, начинаютъ презирать упражненіе въ ученыхъ языкахъ и дабы не быть почитаемыми за педантовъ, дѣлаются въ ученіи своемъ пространными. Мало изъ нашихъ ученыхъ могутъ безъ затрудненія читать Греческихъ и Латинскихъ школьныхъ авторовъ, потому что тотъ, который хочетъ приучить слухъ свой къ согласію Гомеровыхъ стиховъ, долженъ умѣть читать его твердо и безъ помощи словарей. Тоже скажу я и въ разсужденіи Димосѳена,

ѳена, Аристотеля, Фукидида и Платона, и тоже наблюдать надлежитъ для приобрѣтенія себѣ совершеннаго понятія о Латинскихъ творцахъ. Юношество почти нынѣ и не старается знать Греческій, а Латинскаго языка малые и столько научаются, чтобъ могли посредственно переводить сочиненія прославившихъ вѣкъ Августа мужей. Въ нихъ-то однакожъ находятся тѣ изобильные источники, въ которыхъ почерпнули Италіянцы, Французы и Агличане наши предшественники свои знанія. Они послѣдовали сколько могли, симъ великимъ образцамъ, присвоили себѣ ихъ родъ мыслей, и удивляясь красотамъ наполняющимъ изданія древнихъ, не преминули исправить ихъ недостатки. Должно почитать съ разборомъ, и ни когда не ввѣряться слѣпому ласкательству. Щастли-

вые тѣ дни, въ кои прежде насъ наслаждались Италіянцы, Французы и Агличане, начинаютъ уже чувствительно уклоняться. Публика насыщена изданными въ свѣтъ, такъ называемыми, мастерскими сочиненіями; знанія, будучи распространены, стали не такъ уже почитаемы; словомъ сказать, сіи народы думаютъ, что владѣютъ пріобрѣтенною сочинителями ихъ славою, и почиваютъ на собранныхъ ими лаврахъ. Но я не вѣдаю, какъ сіе отступленіе удалило меня отъ моего предмѣта. Возвратимся къ нашей цѣли, и будемъ еще продолжать испытывать то, что находится недостаточнаго въ разсужденіи нашихъ ученій.

Мнѣ кажется, будто бы я примѣчаю; что малое число хорошихъ и искусныхъ нашихъ основателей, не соотвѣтствуетъ недо-

достаткамъ бывающимъ въ нашихъ школахъ; у насъ ихъ много, и всѣ требуютъ быть снабдены оными. Естьли учители педанты; то пустоуміе ихъ унываетъ въ бездѣлицахъ и не радѣетъ о вещахъ главныхъ. Будучи длинны, пространны, скучны и недостаточны въ своихъ ученіяхъ, отягощаютъ они своихъ учениковъ и производятъ въ нихъ только ненависть къ наукамъ. Другіе Ректоры исправляютъ долгъ свой изъ единаго сребролюбія; имъ все равно, научаютсяль чему ихъ ученики, или нѣтъ, лишь бы получали исправно свое жалованіе; а еще того хуже, естьли сіи учители сами невѣжи. Чему научатъ они другихъ, когда сами ни чего не знаютъ? Боже сохрани, чтобъ въ семъ правилѣ не было исключенія, и чтобъ въ Германіи не было нѣсколько знаю-

щихъ учителей. Я въ томъ никакъ не сомнѣваюсь, а ограничиваюсь только искреннымъ желаніемъ, чтобъ ихъ было болѣе. Сколько же могу я еще сказать о порочномъ способѣ, который употребляютъ учители для обученія своихъ учениковъ Грамматикѣ, Діалектикѣ, Краснорѣчію и другимъ знаніямъ? Какимъ образомъ изострятъ они вкусъ учениковъ своихъ, естьли сами не знаютъ различить хорошаго съ посредственнымъ и посредственнаго съ худшимъ; естьли мѣшаютъ пространный стиль съ совершеннымъ, подлый и низкій съ живо изображающимъ; нерадивую и обезображенную прозу съ простымъ стилемъ; вздоръ съ глубокомысліемъ? Естьли не исправятъ съ точностію задаваемые своимъ ученикамъ уроки? не истребятъ ихъ погрѣшности, не отбивая отъ нихъ охоты,

ты, и со тщаніемъ не вперятъ имъ правила которыя они сочиняя должны имѣть всегда предъ глазами: тоже разумѣю я и о точности метафоръ; ибо помню, что въ моей молодости читалъ я въ посвященіи Профессора Гейнекція къ одной Королевѣ слѣдующія прекрасныя слова: „Иро Маэстетъ гленценъ ви ейнъ Карфункелъ, амъ Фингеръ деръ ецигенъ Цейтъ." „Ваше Величество сіяете, какъ карбункулъ на пальцѣ нынѣшнихъ времянъ." Возможноль вздумать чего хуже? Къ чему тутъ карбункулъ? Да и естьли у времени палецъ? Когда оное изображаютъ, то представляютъ его съ крыльями, потому, что оно безпрестанно отлетаетъ; съ песочными часами, поелику раздѣляется на часы, и вооруженное косою, ибо оно подкашиваетъ и разрушаетъ все что пребываетъ. Когда

да ужѐ Профессоры изъясняются столь низкимъ и смѣшнымъ стилемъ, то чтожъ ожидать можно отъ ихъ учениковъ.

Преидемъ теперь изъ нижнихъ классовъ въ Университеты; и разсмотримъ ихъ тольже безпристрастно. Мечтающійся наиболѣе въ глазахъ моихъ недостатокъ есть тотъ, что нѣтъ общаго пра̂вила ко обученію. По моему мнѣнію есть одинъ только хорошіи способъ, котораго должно держаться. Но какіе нынѣ чинятъ опыты? Когда Профессоръ правъ имѣетъ, на примѣръ, нѣсколько любимыхъ Юристовъ, коихъ мнѣнія онъ толкуетъ; то ужѐ онъ и держится единственно ихъ сочиненій, не упоминая, что другіе сочинители о нихъ писали; онъ возвышаетъ цѣну своего искусства, чтобъ прослыть ученымъ; считаетъ себя за Оракула

кула когда темен в своих толкованіях, говорит о законах Мемфиских, когда спрашаивается о обычаях Оснабрикских или твердит Баккалавру Сенгаллскому законы Миносовы. Философ имѣет опять свою систему, которой он почти таким же образом держится. Ученики его выходят из школы с наполненною предразсужденіями головою; они прошли только маленькую частичку человѣческих мнѣній, коих не знают всѣ погрѣшности и нелѣпости. Чтож касается до Медицины, *) то я еще не рѣшился, признать ли ее за науку или нѣт; но я совершенно увѣрен, что никакой человѣк не имѣет довольно силы, возстановить желудок, легкое и почки, когда существенныя сіи части

*) Медицина или врачебная наука,

части человѣческой жизни повреждены; и я весьма совѣтую друзьямъ моимъ, чтобъ они, будучи въ болѣзняхъ, лучше призывали такихъ врачей, которые уже не одно кладбище наполнили, нежели какого либо молодаго ученика Гофманова или Бергавова ни кого еще неуморившаго. Не могу я ни чѣмъ укорить учащихъ Геометріи. Сія наука есть единая, которая не произвела разныхъ толкованій или сектъ; она основана на раздѣленіи, сложеніи и изчисленій; упражняется единственно въ доказательствѣ истиннъ и имѣетъ притомъ во всѣхъ земляхъ однѣ правила. Богословіе оставляю я также въ почтительномъ молчаніи. Сказываютъ, будто оно наука божественная, и что грѣшно свѣтскимъ людямъ касаться къ кадильницѣ. Я думаю что мнѣ будетъ дозволено поступить

пить не такъ осторожно съ Господами Профессорами Исторіи и представить ихъ изслѣдываніямъ нѣколикое сомнѣніе. Осмѣливаюсь ихъ вопросить, нужнѣе ли всего въ Исторіи наука Лѣтоизчисленія; и почитаютъ ли они то за непростительный проступокъ, когда кто ошибется въ году смерти Беловой; во днѣ, въ который Даріева лошадь заржавъ, возвела своего всадника на престолъ Персидскій, и въ часѣ, въ который обнародована Золотая Булла, въ шесть ли часовъ по утру, или въ четыре по полудни сіе было? По моему, такъ я доволенъ знаніемъ ея содержанія, и что она была обнародована въ 1356 году. Я не извиняю тѣмъ историковъ ошибающихся въ лѣтоизчисленіяхъ: однакожъ лучше буду снисходителенъ къ маленькимъ проступкамъ такого рода, нежели къ

знат-

знатнымъ погрѣшностямъ какъ то, непорядочно предлагать произшествія, не ясно выводить причины и приключенія, не взирать на всѣ пра́вила, и останавливаться долго на маловажныхъ предмѣтахъ а проходить безъ примѣчанія наинужнѣйшіе. Тоже почти думаю я и о Генеалогіи *) и уповаю, что не должно каменіями убивать ученаго человѣка, за неразобраніе родословія Святыя Елены матери Императора Константина или Гилдегарды, супруги или наложницы Карла великаго. Должно учить одно нужное къ знанію и пропускать все прочее. Вы почтете можетъ быть разсматриваніе мое весьма строгимъ, и заключите, что какъ у насъ здѣсь ничего нѣтъ совершеннаго, то и языкъ, школы и университеты

*) Генеалогія или наука родословія.

теты наши оными быть не могутъ; прибавляя къ тому, что гораздо легчѣ пересмѣхать, нежели учить, и что прежде надобно объявить пра́вила, по которымъ поступать должно. Я готовъ, Государь мой, васѣ и въ томъ удовольствовать. Когда друıiе народы могли притти въ совершенство, то длячегожъ и намъ не имѣть такихъ же способовъ, отъ исполненiя коихъ зависитъ наше исправленiе. Давно ужѐ разсуждалъ я объ семъ въ праздные мои часы, и оно мнѣ еще по сiе время такъ памятно, что безъ размышленiя могу написать мысли мои и представить къ вашему разсмотрѣнiю, наипаче потому что не имѣю никакого требованiя быть безпогрѣшнымъ.

Начнемъ съ Нѣмецкаго языка, который обвиняю я быть пространнымъ, къ сочиненiямъ не-

способнымъ, и для слуха непріятнымъ, и которому недостаетъ наиболѣе сего изобилія метафорическихъ изображеній, столь нужныхъ къ вымышленію новыхъ оборотовъ въ рѣчахъ и придаванію нѣжности просвѣщеннымъ языкамъ. Чтобъ опредѣлить путь ведущій насъ къ сей цѣли, разсмотримъ предпріятый нашими сосѣдями къ достиженію оной же. Въ Италіи, во время Карла великаго, говорили еще простонароднымъ варварскимъ языкомъ, который былъ смѣсь взятыхъ отъ Гунновъ и Ломбардовъ словъ перемѣшанныхъ съ Латинскими рѣчьми, которыя бы однакожъ невразумительны были слуху Цицерона или Виргилія: сей языкъ остался такимъ чрезъ всѣ послѣдовавшіе вѣки варварства. Долгое время спустя явился Дантъ; стихи котораго удивили его читателей и

за-

заставили Италіянцов мыслить, что язык их может послѣдовать языку побѣдителей вселенныя; потом, не много прежде и в самое время возстановленія писмен, процвѣли Петрарк, Аріост, Саннацар и Кардинал Бемс. Ученость сих славных мужей единственно установила язык Италіянскій; и в самое сіе время учредилась Академія делла Круска, старающаяся как о сохраненіи, так и о чистотѣ стиля.

Я перехожу теперь во Францію и нахожу, что при дворѣ Франциска I. говорили такою же простою рѣчью, или по меншей мѣрѣ столь же разногласною, как нынѣшняя наша Нѣмецкая, и скажу не в обиду почитателям Марота, Рабеле и Монтанья, что их грубыя и пріятности лишенныя писанія навели мнѣ только скуку и отвращеніе. Послѣ их явился

въ концѣ владѣнія Генриха IV, Малгербъ. Онъ былъ первый Французскій стихотворецъ, или лучше сказать не столько пороченъ какъ его предшественники, въ достоинствѣ риѳмослагателя. Въ доказательствожъ что и онъ былъ не изъ хитрыхъ стиходѣевъ, припомню я вамъ только слѣдующіе стихи, которые вамъ и самимъ я чаю небезъизвѣстны, въ одной изъ его Одъ:

„Prends ta foudre Louis, & va,
comme un Lion,
„Donner le dernier coup à la
derniere têre de la rebellion!

„Бери Людвигъ перунъ, и
такъ какъ левъ иди,
„Оставшую главу мятеж-
никовъ рази,"

Видали ли когда нибудь Льва перуномъ вооруженнаго? Баснословіе влагаетъ перунъ въ руки владѣтеля

шеля боговъ, или вооружаетъ онымъ орла его препровождающаго; никогда левъ не имѣлъ сего признака. Но оставимъ Малгерба съ неспособными его метафорами и прейдемъ къ Корнелїямъ, Расинамъ, Депро, Боссюетамъ, Флешїерамъ, Паскаламъ, Фенелонамъ, Бурзо и Вожелà, истиннымъ отцамъ французскаго языка; они-то составили стиль, утвердили употребленїе словъ, сдѣлали рѣчи прїятными, и придали древней варварской и несогласной рѣчи ихъ предковъ силы и вещественности: Творенїя превосходныхъ сихъ мужей приняты были съ великимъ усердїемъ. Нравящееся удерживается. Имѣвшїе вкусъ къ писменамъ имъ подражали; и стиль такъ какъ и вкусъ сихъ великихъ мужей сообщился потóмъ всему народу. Но позвольте мнѣ удержать васъ на минуту для показанїя вамъ, что

какъ въ Греціи и Италіи, такъ и во Франціи стихотворцы были первые, кои сдѣлавъ языкъ свой мягкимъ и нѣжнымъ уготовили его сдѣлаться еще пріятнѣе и способнѣе къ сочиненіямъ подъ перомъ писателей, писавшихъ послѣ ихъ прозою.

Пренесясь мысленно въ Англію нахожу я тамъ картину подобную той, на которой изобразилъ вамъ Италію и Францію. Она покорена была Римлянами, Саксонцами, Датчанами и на конецъ Вилгелмомъ Завоевателемъ Герцогомъ Нормандскимъ. Изъ смѣшенія языковъ разныхъ сихъ побѣдителей, съ присоединеніемъ къ тому простонародной рѣчи, которою и понынѣ еще говорятъ въ Княжествѣ Валлійскомъ, составился Аглинскій языкъ. Я не почитаю за нужное васъ увѣдомить, что въ оное варварское

время

время сей языкъ былъ по-крайней мѣрѣ стольже грубъ, какъ и тѣ, о коихъ вамъ ужѐ упоминалъ. Возстановленіе писменъ произвело равное дѣйствіе во всѣхъ народахъ; Европа, наскучивъ невѣденіемъ, въ которомъ она была погружена чрезъ толико вѣковъ, возжелала просвѣтиться. Англія, завидящая всегда Франціи, старалась произвесть собственныхъ своихъ авторовъ; но какъ для писанія потребенъ способный къ тому языкъ, то она и начала̀ приводить свой въ совершенство: чтобъ скорѣе въ томъ успѣть присвоила она себѣ изъ латинскаго, французскаго и италіянскаго языковъ всѣ выраженія, показавшіяся ей нужными; она имѣла славныхъ писателей; но они не могли умягчить тѣ острыя произношенія, которыя столь противны для слуха иностран-

ныхъ. Въ другихъ языкахъ свойственныя рѣчи лишаются въ переводахъ своей пріятности; одинъ Аглинской въ томъ выигрываетъ. На сей случай, вспомнилъ я, что находясь нѣкогда въ собраніи ученыхъ людей, нѣкто изъ бывшихъ тутъ же вопрошаемъ былъ, на какомъ языкѣ изъяснялся змій, прельстившій нашу праматерь? На аглинскомъ, отвѣтствовалъ онъ, ибо змій свищетъ. Вы можете толковать ругательную сію насмѣшку какъ хотите.

По изъясненіи вамъ, какимъ образомъ въ другихъ народахъ языки были начаты и приведены въ совершенство, вы безъ сумнѣнія заключите, что употребя тѣже способы и мы также какъ и они въ томъ успѣть можемъ. Въ семъ случаѣ потребны намъ великіе стихотворцы и великіе ора-

ораторы, кои бы могли оказать намъ сію услугу, потому что не должно намъ оной ожидать отъ Философовъ, коихъ доля есть искоренять погрѣшности и открывать новыя истинны. Стихотворцы и Риторы должны насъ плѣнять своею пріятностью въ писаніяхъ, возбуждать къ сожалѣнію и увѣрять; но какъ не льзя произвесть похотѣнію такихъ умовъ, то посмотримъ, не можемъ ли и мы также пріобрѣсть какій либо успѣхъ съ помощію другихъ. Для сокращенія нашего стиля оставимъ всѣ безполезныя заключенія; а для пріобрѣтенія въ нашемъ языкѣ силы, переведемъ тѣхъ древнихъ авторовъ, которые съ большею силою и пріятностью изъяснялись. Возмемъ у Грековъ Ѳукидида, Ксенофонта, не забудемъ Аристотелеву науку стихотворенія и постараемся

 наи-

наиболѣе ясно изобразить силу Димосѳенову. Отъ Латинцовъ займемъ мы записки Эпиктитовы, мысли Императора Марка Аврелія, толкованія Цезаря, Саллустія, Тацита и науку стихотворенія Горація. Французы могутъ насъ снабдить мыслями Роше-Фоколта, Персидскими письмами и разумомъ законовъ. Всѣ сіи представляемыя мною книги писанныя по большой части глубокомысленнымъ стилемъ, принудятъ своихъ переводчиковъ убѣгать скучныхъ выраженій и безполезныхъ словъ; писатели наши употребятъ всю остроту разума своего на обуздываніе своего воображенія, дабы переводъ ихъ получилъ туже силу которой удивляются въ подлинникахъ. Притомъ же будутъ они стараться не быть темными, содѣлывая стиль свои вразумительнѣе; а чтобъ сохранить

сїю ясностъ, то первая есть должностъ каждаго писателя, не удалятъся никогда отъ правилъ Грамматики, дабы глаголы долженствующїе учреждатъ рѣчи были поставлены такъ, чтобъ не выходило никакого сумнителънаго смысла. Такого роду переводы будутъ служитъ образцами, по которымъ слѣдоватъ могутъ наши писатели. Тогда можемъ мы ласкатъся, что послѣдовали предписанїю, которое Горацїй предлагаетъ всѣмъ авторамъ въ книгѣ своей о стихотворенїи: Tot verba, tot pondera. Сколько словъ, столько смыслу. Гораздо труднѣе однакожъ будетъ здѣлатъ прїятными тѣ грубыя произношенїя, которыми изобилуетъ болъшая частъ словъ нашего языка. Гласныя слуху нравятся, а великое число вмѣстѣ сплетенныхъ согласныхъ ему противны, потому, что тяжелы въ произ-

произношеніи и не громки: притомъ же имѣемъ мы множество вспомогательныхъ и дѣйствительныхъ глаголовъ, послѣднія буквы которыхъ глухи и непріятны, какъ sagen, geben, nehmen: Приставтежъ на концѣ ко всякому слову, букву a, и сдѣлайте изъ нихъ sagena, gebena, nehmena, Загена, гебена, немена, то сіе произношеніе обольститъ слухъ. Но я увѣренъ, что естьлибъ и самъ Императоръ со всѣми своими осмью Курфирстами, на торжественномъ Государственномъ сеймѣ издалъ законъ, чтобъ ихъ такъ произносить, тобъ ревностные послѣдователи древней Нѣмецкой рѣчи оный пренебрегли и вездѣ бы на Латинскомъ языкѣ кричали: Cæſar non eſt ſuper grammaticos, Императоръ не имѣетъ права надъ грамматиками, и народъ, отъ котораго зависитъ во всякой зем-

лѣ

лѣ судьба языка, сталъ бы попрежнему произносить ſagen и geben, Загенъ и Гебенъ. Французы умягчили чрезъ произношенie многiя слова, отвратительныя для слуха, которыя подали причину Императору Юлiану говорить, что Галлы каркаютъ какъ вороны. Такимъ образомъ произносимыя тогда слова̀ суть, cro-jo-gent, кроiожанъ, voi-yai-gent, воэжанъ, и выговариваются нынѣ croyent, крой, voyent, вой; хотя они и не услаждаютъ, но по крайней мѣрѣ не столь отвратительны, и я думаю, что и мы бы могли также поступить въ разсужденiи нѣкоторыхъ словъ. Есть еще порокъ, который не долженъ я пропустить, а имянно, низкiя, подлыя и въ простонародной рѣчи почерпнутыя сравненiя. Вотъ для примѣра выраженie одного стихотворца, который

рый посвятилъ свои сочиненія не знаю какому - то покровителю: „Шисъ гроссеръ Геннеръ, шисъ дейне Штраленъ, Армъ - дикъ, ауфъ дейненъ Кнехтъ гернидеръ." Разспространяй, великій благодѣтель, разспространяй твои лучи, равные рукѣ толщиною, на твоего слугу." Какъ вамъ кажутся сіи лучи толщиною въ руку? Не надлежало ли сказать сему Стихотворцу: выучись сперва мыслить, другъ мой, а потомъ ужъ пиши? И такъ не будемъ подражать бѣднымъ, хотящимъ слыть богатыми; а лучше признаемся добровольно въ своихъ недостаткахъ; и да ободритъ насъ сіе болѣе къ пріобрѣтенію стараніями нашими сокровища словесныхъ наукъ, которыхъ обладаніе совершитъ славу нашего народа.

По представленіи Вамъ, какимъ образомъ можетъ исправленъ

быть

быть нашЪ языкЪ, прошу я ВасЪ выслушать сЪ такимЪ же примѢчанiемЪ то, что скажу ВамЪ о мѢрахЪ, которыя должны мы предпрiять для разпространенiя округа нашихЪ знаний, облегченiя пользы ученiя и произведенiя вкуса вЪ юношествѢ. Во первыхЪ предлагаю я, дабы осторожнѢе дѢлали выборЪ надЪ учителями долженствующими управлять школами, и предписывали бы имЪ разумный и справедливый образЪ ученiя, которому они должны слѢдовать вЪ ученiи, касающемся какЪ до грамматики и Дiалектики, такЪ наипаче до Риторики: и дабы какЪ старающихся дѢтей ободряли маленькими отмѢнами, такЪ бы стыдили неприлѢжащихЪ кЪ ученiю. Я почитаю Волфову Логику *) за

*) Логика или наука о изощренiи разума и изслѢдыванiи истиннЪ.

за лучшую и яснѣйшую; слѣдовательно должно бы было заставить всѣхъ учителей по ней обучать; тѣмъ болѣе, что Баттеева еще непереведена, да и не лучше упомянутой. Что лежитъ до Риторики, то всѣхъ превосходнѣе Квинтилліанова. Кто, обучаясь по ней, не достигнетъ до краснорѣчія, тотъ уже никогда въ немъ не успѣетъ. Стиль въ семъ сочиненіи весьма ясенъ и содержитъ въ себѣ всѣ пра́вила и наставленія сей науки; но со всѣмъ тѣмъ должны учители прилѣжно разсматривать задаваемыя своимъ ученикамъ уроки, изъясняя имъ причины, для которыхъ исправляются погрѣшности оныхъ, и выхваляя тѣ мѣста̀, въ коихъ они успѣли.

Когда послѣдуютъ учители предлагаемому мною способу, то откроютъ они источникъ природныхъ

ныхъ дарованій въ тѣхъ, коихъ натура оными одарила; они изострятъ здравый разсудокъ своихъ учениковъ, пріучая ихъ не разсуждать о вещахъ не зная причины, равно какъ и дѣлать вѣрныя заключенія о начальномъ своемъ ученіи. Риторика содѣлаетъ разумъ ихъ правильнымъ; они научатся искуству располагать своими мыслями, соединять ихъ и составлять къ статѣ однѣ съ другими, естественными, внятными и удачными повѣствованіями и узнаютъ, какъ соразмѣрять стиль свой случаю, употреблять гдѣ прилично фигуры или высокія красивыя рѣчи, какъ для перемѣны равногласія *) и стиля, такъ и для украшенія мѣстъ онаго лишенныхъ, и не мѣшать двѣ метафоры въ одну, дабы не пред-

*) Monotonie.

ставился читателю непонятный смыслъ. Риторика научитъ ихъ еще выбирать, доказательныя тѣ заключенія, кои они хотятъ употребить смотря на обыкновенія той Аудиторіи *), въ которую имѣютъ быть опредѣлены; они научатся вкрадываться въ умы, нравиться, возбуждать, приводить въ негодованіе или въ жалость, увѣрять и пріобрѣтать всякаго согласіе: какое есть то божественное искуство, въ которомъ достигаютъ способомъ единаго слова, безъ силы и безъ принужденія до обладанія умами, до царствованія надъ сердцами, и до знанія производить въ многочисленномъ собраніи тѣ страсти, къ которымъ желается его побудить. Естьли бы хорошіе авторы переве-

*) Аудиторія, слушалище или мѣсто, куды Студенты собираются слушать толкованія Профессоровъ.

ведены были на нашъ языкъ, тобѣ конечно совѣтовалъ я ихъ читать, какъ важную и наинужнѣйшую вещь. Напримѣръ для Логиковъ ничто не можетъ быть способнѣе, какъ толкованіе Бейлово о Кометахъ и сочиненіе его о употребленномъ при владѣніи Людовика XIV способѣ къ обращенію Реформатовъ въ Католицкую вѣру *) Бейлъ есть, по моему слабому разсужденію первый изъ Діалектиковъ въ Эвропѣ; онъ разсуждаетъ не только сильно и справедливо, но и превосходитъ въ томъ, что усматриваетъ съ первоначальныхъ ужѐ словъ способность предложенія, онаго недостатки и онаго совершенства, какъ можно его воздержать и какъ сопровергнуть мнѣнія сопротивниковъ его. Въ большомъ своемъ словарѣ осуждаетъ онъ Овидія

*) Сія книга называется на французскомъ Языкѣ Contrains les d'entrer.

въ повѣсти его о приведенiи Хаоса въ порядокъ и заключаетъ въ сей книгѣ превосходныя главы на Манихеевъ, Эпикура и на Зороастра, и проч. Всѣ онѣ заслуживаютъ быть читаны и затвержены, и сiе составитъ неоцѣненную пользу для молодыхъ людей, которые могутъ занять силу разсужденiя и острое проницанiе разума сего великаго человѣка. Вы уже напередъ отгадываете, какихъ авторовъ присовѣтую я употребить обучающимся краснорѣчiю. Чтобъ научились они прiятности, тобы желалъ я, чтобъ читали они великихъ стихотворцовъ Гомера, Виргилiя, нѣкоторыя избранныя оды Горацiя и нѣсколько стиховъ Анакреонта, а дабы заимствовали въ краснорѣчiи вкусъ, то дамъ я имъ Димосѳена и Цицерона. Притомъ же должно имъ показать, въ чемъ разнствуютъ

ютъ достоинства сихъ великихъ двухъ Риторовъ. Къ достоинствамъ перваго нечего прибавить, а изъ достоинства втораго нечего убавить. Чтенiе творенiй сихъ мужей должно быть послѣдуемо презрядными надгробными словами Боссюета и Флешiера, французскихъ Димосфена и Цицерона, и проповѣдями на недѣли великаго поста Массилiона, наполненнымие чертами наивышшаго краснорѣчiя. Чтобъ приучить ихъ наконецъ, въ какомъ вкусѣ писать Исторiи, хотѣлъ бы я, чтобъ читали они Тита Ливiя, Саллюстiя и Тацита, показуя имъ притомъ высокость стиля и красу ихъ повѣствованiя, осуждая однакожъ лековѣрiе, съ коимъ предлагаетъ Титъ Ливiй при концѣ каждаго года роспись чудесамъ, изъ коихъ одно страннѣе другаго. Молодые сiи люди могли бы потомъ пройти всеоб-

 щую

щую исторію Боссюета, и великія перемѣны Римской Республики Аббата Верто, присовокупя къ тому Робертсоново предисловіе къ Исторіи Карла V. Сіе то было бы средство къ составленію ихъ вкуса и къ наученію ихъ писать; но когда Ректоръ самъ не имѣетъ сихъ знаній, то сочтетъ онъ уже за довольное сказать; въ семъ мѣстѣ полагаетъ Демосфенъ главный доводъ изъ Сраторіи; тамъ и въ большой части разговора употребляетъ онъ сокращенное заключеніе о двухъ только положеніяхъ *); вотъ апострофъ, здѣсь прозопопея **), въ такомъ-то мѣстѣ метафора, а въ такомъ-то иперболa ***). Это хорошо, но когда учи-

*) Enthymeme.

**) Прозопопеіа, представленіе неоживотворенной вещи или рѣчи лишенныхъ звѣрей въ рѣчахъ говорящими.

***) Ипербола, чрезмѣрное увеличиваніе вещей.

учитель не лучше возвысить красоты автора и не выставитъ наружу его погрѣшности (поелику и за лучшими Ораторами оныя водятся), то не исполнитъ своего намѣренія. Я по тому стою такъ сильно за всѣ сіи вещи, что желаю, чтобъ юношество выходило изъ школъ съ совершеннымъ понятіемъ о сихъ наукахъ, и чтобъ не довольствуясь отягощить ихъ память, старались наиболѣе составить ихъ разсужденіе, дабы они научались различать хорошое съ худымъ, и не ограничиваясь сказать, мнѣ сіе нравиться, моглибъ впредь основательно разсуждать о томъ, что они принимаютъ или опровергаютъ.

Чтобъ увѣриться вамъ о маломъ вкусѣ, царствующемъ и по наши дни въ Германіи, то стоитъ вамъ только побывать въ

публичныхъ позорищахъ. Вы тамъ увидите представленіе презрѣнія достоиныхъ Шакесперовыхъ сочиненій переведенныхъ на нашъ языкъ, и цѣлое собраніе зрителей внѣ себя отъ удовольствія, слыша смѣшныя сіи дурачества, достойныя дикихъ обитателей Канады. Я ихъ потому таковыми нарицаю, что онѣ погрѣшаютъ противъ всѣхъ правилъ Ѳеатра. Сіи правила не основаны на здравомъ разсужденіи, не такъ какъ находящіяся въ Аристотелевой наукѣ стихотворства, гдѣ сходство мѣ́ста, времени и вещественности матеріи суть предписаны какъ единыя средства могущія сдѣлать Трагедіи важными; вмѣсто того что въ сихъ Аглинскихъ сочиненіяхъ явленія продолжаются нѣсколько лѣтъ. Гдѣ же тутъ вѣроятность? Сперва выходятъ носильщики и гробокопа-

копатели, говорящіе совйственными имъ словами, а потомъ являются Князья и Королевы. Какъ можетъ трогать и нравиться странная такая смѣсь низкости и великости, смѣшнаго и печальнаго? Шакесперу можно еще простить таковые проступки поелику рожденіе наукъ не соотвѣтствуетъ ихъ совершенству; но вотъ является на Ѳеатръ какой-то Гецъ изъ Берлихингена, скаредное подражаніе нелѣпымъ симъ Аглинскимъ сочиненіямъ, и Партеръ похваляетъ его и требуетъ съ нетерпѣливостью повторенія невкусныхъ сихъ глупостей. Я знаю, что не должно спорить о вкусахъ; однакожъ позвольте мнѣ дамъ сказать, что тѣ, кои находятъ столько же удовольствія въ плясунахъ по веревкамъ и куклахъ, какъ и въ Трагедіяхъ Расина, не желаютъ иного, какъ

только терять время; они предпочитают довольствующее их зрѣніе тому, что приноситъ разуму их пользу, и какого бы ни было рода позорище, представленію трогующему сердце. Но возвратимся къ нашему предмету.

Говоря вамъ о нижних степеняхъ, должно мнѣ съ такою же искренностью поступить и въ разсужденіи Университетовъ, и предложить вамъ способы къ тѣмъ исправленіямъ, кои окажутся наиспособнѣйшими и найполезнѣйшими для хотящих старательно о них помыслить. Не должно вѣрить, чтобъ всѣ способы, употребляемые Профессорами къ обученію наукъ, были равны; естьли недостаетъ имъ чистоты и ясности, то труды их напрасны; они составляютъ еще съ начала порядокъ своего ученія, котораго

и держатся; а хорошЪ ли онЪ или нѣтЪ, обЪ томЪ мало кто думаетЪ; слѣдовательно и большаго успѣха отЪ того ожидать не можно и весьма мало учениковЪ выходятЪ отЪ нихЪ сЪ надлежащими имЪ знаніями. По моему разсужденію такЪ необходимо должно предписать каждому Профессору пра́вила, которымЪ онЪ вЪ ученіи слѣдовать долженЪ; и вотЪ оныхЪ краткое начертаніе. Оставя Геометра и Богослова, потому что нечего прибавить кЪ точности перваго, и что не должно безпокоить простонародныя мнѣнія втораго, начинаю я сЪ Философа. Я потребую отЪ него, чтобЪ онЪ началЪ ученіе свое подробнымЪ описаніемЪ. Философіи; чтобЪ потомЪ, восходя ко временамЪ наиодаленнѣйшимЪ, представилЪ всѣ различныя мнѣнія людей по порядку тѣхЪ времянЪ, вЪ ко-

которыя обучающіе окой процвѣтали. Должно ему упомянуть о мнѣніяхъ Стойковъ, которые предполагали въ своей системѣ, что души человѣческія суть малыя части Божества, а когдажъ онъ коснется къ системѣ Эпикура, то долженъ онъ остановиться наиболѣе на причастіи страданію, которое сей философъ приписуетъ своимъ Богамъ, какъ на вещи со всѣмъ противной естеству Божества: и не позабудетъ опровергать уменьшеніе малѣйшихъ и не уменьшающихся ужѐ воздушныхъ пылинокъ и все то, что противорѣчитъ точности и согласію разсужденія. Онъ безъ сумнѣнія упомянетъ также о сектѣ Акаталептической и о не обходимости, которой люди часто подвержены бываютъ, распространять свои разсужденія во множествѣ метафизическихъ матерій,

когда соразмѣрность и опыты не могутъ имъ болѣе доставить нитку, для препровожденія ихъ въ семъ лавиринѳѣ. Потомъ дойдетъ онъ до Галилея, изъяснитъ ясно его систему и не преминетъ опровергнуть незнаніе Римскаго духовенства непризнавающаго обращенія земли и бытія противножниковъ, и которое какъ нищитало себя безпогрѣшнымъ, но по крайней мѣрѣ на сей разъ потѣряло передъ судомъ здраваго разсужденія. Послѣ Галилея послѣдуютъ Коперникъ, Тихо Браге и Система о обращеніяхъ тѣлъ. Профессоръ докажетъ своимъ слушателямъ какъ невозможность полнаго, противящагося всякому движенію, такъ и того, что звѣри не взирая на Дескарта, не суть махины. Сіе будетъ послѣдуемо сокращеніемъ Невтоновой системы о пустотѣ, которую должно призна-

навать не зная однакожъ естьли она отрицаніе бытія или существо, къ естеству котораго мы никакого знаменованія присоединить не можемъ; и не воспрепятствуетъ Профессору увѣдомить слушателей своихъ о совершенномъ обьясненіи изчисленій сей Невтоновой системы, съ явленіями Естества; да и что побудило новѣйшихъ писателей признавать тяжесть, стѣсненіе и средоточную и *околоточную* силу, какъ сокровенныя и по наши дни неизвѣстныя свойства Естества. Тогда можетъ ужѐ онъ приняться за обороты Лейбницовой системы о единствѣ тѣлъ (Monades) и преестественнаго во всемъ согласованія. Профессоръ необходимо долженъ растолковать, что безъ единства и числъ быть не можетъ, и что слѣдовательно должно признавать нераздѣлимость

тѣлъ

тѣмъ имѣющихъ составленное существо. Не взирая на то надобно ему однакожъ упомянуть и о томъ, что существо мысленно до безконечности можетъ быть дѣлимо, что въ изслѣдываніи первоначальныя тѣла, когда мы ихъ желаемъ подробно раздѣлять, дѣлаются понятію нашему непостижимыми, и что первымъ частямъ служащимъ началомъ стихіямъ, не отмѣнно должно быть неразрушимымъ, ибо изъ ничего ничто непроисходитъ, и ничто въ ничтожъ превратиться не можетъ. Сей Профессоръ представитъ Систему преестественнаго согласованія въ подобіи Романа о человѣкѣ великаго разума, прибавитъ къ оному безъ сумнѣнія, что Естество предпринимаетъ наикратчайшій путь къ достиженію своихъ предѣловъ и заключитъ тѣмъ, что не должно

умно-

умножать безъ нужды. Потомъ расмотритъ онъ Спинозу, котораго существъ опровергнетъ безъ затрудненія, употребя тѣже доводы, кои служили ему и противъ Стоиковъ; и естьли возметъ онаго систему съ той стороны, въ которой не признается бытія перваго существа, то ничто ему не будетъ такъ легко обратить въ прахъ, какъ сіе мнѣніе, а особливо, когда онъ изъяснитъ *опредѣленіе каждой вещи и цѣль*, для которой она здѣлана. Все, даже до произращенія послѣдней травки изъявляетъ бытіе Божества; и естьли человѣкъ пользуется такою степенью разума, который онъ не самъ себѣ далъ, то тѣмъ болѣе думать надобно, что мудрость существа, одарившаго его всѣмъ, безконечно глубже и пространнѣе его. Профессоръ нашъ конеч-

но

но не пропуститъ безъ примѣчанія и Маллебранша. Открывая мнѣнія мудраго сего отца Ораторіи, покажетъ онъ, что естественно происшекающія изъ оныхъ слѣдствія, склоняются также къ ученію Стоиковъ, ко всеобщей душѣ, которой всѣ оживотворенныя существа составляютъ части. Естьли мы все въ Богѣ видимъ, естьли наши ощущенія, наши мысли, наши желанія, наша воля происходятъ прямо отъ втеченія его премудрости на орудія нашихъ чувствъ (Organes) то и дѣлаемся мы управляемыми Божественною рукою махинами; ибо Единъ Богъ только пребываетъ. Я надѣюсь, что Господинъ Профессоръ, естьли онъ хотя мало общаго смысла имѣетъ, не позабудетъ разумнаго Локе, единаго изъ Метафизиковъ, жертвовавшаго

 во-

воображенїемъ здравому разсудку, и который толико слѣдуетъ опытамъ, колико могутъ они его сопровождать, а разумно останавливается, когда недостаетъ у него болѣе сего вождя. Когда дойдетъ дѣло до нравоученїя, тогда Господинъ Профессоръ можетъ сказать нѣсколько словъ изъ Сократа; отдать справедливость Марку Аврелїю, и пространнѣе изъясниться о Цицероновомъ сочиненїи о должностяхъ, какъ о наилучшей и нравоучительнѣйшей книгѣ, которая когда либо была и будетъ писана.

Врачамъ скажу я только два слова: Они болѣе всего должны вперять въ своихъ учениковъ, чтобъ старательно разсматривали признаки болѣзней, дабы могли узнать, какого они рода. Признаки сїи суть стремительный и слабый пульсъ; полный и крѣпко бїю-

біющійся пульсъ; перерывающій-ся пульсъ; сухость языка; глаза; родъ изхожденія паровъ чрезъ потовыя отдушины, (Transpiration) обоего рода испражненія, изъ которыхъ могутъ они дѣлать заключенія, чтобъ основательнѣе узнать родъ сухоты причиняющей припадокъ; и по симъ то знаніямъ должны они уже предписывать способныя къ исцѣленію болѣзней средства. Профессоръ долженъ еще со тщаніемъ пріучить учениковъ своихъ къ познаванію величайшаго различія въ темпераментахъ или сложеніяхъ и требуемаго ими вниманія. Онъ опишетъ имъ слѣдствія одной и той же болѣзни въ разныхъ сихъ темпераментахъ, и наипаче понудитъ ихъ къ необходимости примѣчать, какъ въ равныхъ сихъ болѣзняхъ должно соразмѣрять пріемъ лекарства сложенію больнаго, Но со-

всѣмъ тѣмъ не осмѣливаюсь однакожъ ожидать, чтобъ молодые сіи Эскулапіи могли дѣлать чудеса со всѣми сими наставленіями; и вся польза, которую отъ того общество получить можетъ, будетъ та, что уменшится число умерщвляемыхъ гражданъ невѣденіемъ или лѣностью врачей.

Чтобъ скорѣе окончить, прехожу я къ Ботаникѣ, Химіи и Физическимъ изслѣдываніямъ, дабы поспорить съ Господиномъ Профессоромъ правъ, который мнѣ кажется имѣетъ весьма суровый видъ. Я ему скажу: Государь мой! мы уже не въ вѣкѣ словъ, но вещей, того ради прошу васъ для пользы общества, употреблять менѣе педантства а болѣе здраваго разсужденія въ вашихъ урокахъ, которые вы почитаете за глубокомысленные. Вы попусту теряете время, Государь мой,

учить общенародному праву, которое не есть и частное, и котораго сильные не почитают, а малые никакой защиты от онаго не получают: вы учите своих учеников законам Миноса, Солона и Ликурга, двенатцати таблицам Римским и узаконенію Императора Юстиніана; а не упоминаете ниже слова, или весьма мало, о законах и обычаях принятых в наших землях. Чтоб вас успокоить, обещаем мы вам верить, что мозг ваш составлен из вещественности Куяцева и Бартолева вместе смешенных; но извольте разсудить, что ничего нет драгоценнее времени, и что теряющій оное в безполезных речах, есть расточитель, которому бы вы конечно присудили запрещеніе, естьлиб он обвинен был перед вашим судом; и так дозвольте, Госу-

 дарь

дарь мой, какъ вы ни учены, чтобъ незнающій, какъ я (когда вы ободряете мою застѣнчивость) предложилъ вамъ способъ, которому бы вы могли послѣдовать въ своемъ ученіи правъ. Вы должны начать доказывать необходимость законовъ, поелику ни какое сообщество безъ оныхъ устоять не можетъ. Вы покажете, что есть гражданскіе, уголовные и другіе состоящіе въ договорахъ. Первые служатъ ко утвержденію владѣнія какъ въ наслѣдствахъ, приданыхъ, и седьмой части для вдовъ, такъ и купчихъ и продажей; они указываютъ основаніе служащее правиломъ для рѣшенія границъ, равно какъ и для объясненія мѣстъ въ спорѣ состоящихъ. Уголовные законы суть больше для истребленія преступленій, нежели для ихъ наказанія; штрафы должны быть соразмѣрены пре-

спу-

ступленіямЪ, и сносныя наказанія должны быть во всякое время предпочитаемы наистрожайшимЪ. ВЪ договорахЪ же состоящіе законы суть тЂ, кои какое ни есть Правленіе установляетЪ ко облегченію торговли или художествЪ. Первые два сорта законовЪ суть неперемЂнчиваго роду; но послЂдніе подвержены перемЂнамЪ, какЪвнЂшнимЪ, такЪ и внутреннимЪ кои могутЪ подать причину кЪ уничтоженію однихЪ, и кЪ установленію на мЂсто ихЪ другихЪ. По изЪясненіи сего вступленія о законахЪ, наияснЂйшимЪ образомЪ ГосподинЪ ПрофессорЪ пожалуетЪ изЪяснитЪ подробнЂе, не совЂтуя ни сЪ Гроціусомъ, ни сЪ ПуффендорфомЪ, законы той страны, вЪ которой онЪ обитаетЪ: остережется какЪ можно, чтобЪ не вперить вЪ учениковЪ своихЪ вкусЪ кЪ мятежному духу, произведетЪ изЪ нихЪ вмЂсто замЂша-

 телей

телей, людей старающихся приводить въ порядокъ, и приложитъ всѣ свои старанія къ наполненію уроковъ своихъ справедливостью и точностью, а естьли онъ пожелаетъ пріучить учениковъ своихъ съ молодости ихъ къ сему порядку, то должно ему стараться наиболѣе вперить въ нихъ ненависть къ ссорливому духу, который утверждается только на обманчивыхъ заключеніяхъ и подобенъ безконечному реестру насмѣшекъ и ругательствъ.

Я начинаю теперь говорить съ Господиномъ Профессоромъ Исторіи и предлагаю ему вмѣсто образца ученаго и славнаго Томазія. Профессоръ нашъ пріобрѣтетъ себѣ честное имя, когда приближится къ сему великому мужу, и славу, когда съ нимъ сравнится. Онъ долженъ начать образъ своего ученія, смотря по по-

порядку времени древнею Исторіею и заключить его новѣйшею, не пропуская ни однаго народа, жившаго въ сихъ вѣкахъ; онъ не забудетъ ни Китайцовъ, ни Россовъ, ни Польшу, ни Сѣверъ, такъ какъ Господинъ Боссюетъ въ своемъ сочиненіи, заслуживающемъ впрочемъ великое почтеніе; а особливо прилѣпится Профессоръ нашъ къ Германской исторіи, какъ наинужнѣйшей для Нѣмцовъ, остерегаясь притомъ далеко не углубляться въ темнотѣ происхожденій, на которыя не достаетъ намъ доказательствъ, да и безъ которыхъ всякъ обитающій въ ней обойтися можетъ. Онъ пройдетъ не отягощаясь девятый, десятый, одиннатцатый и двенатцатый вѣки, но распространится въ третьемъ надесять, въ которомъ исторія начинаетъ быть знаменитѣе. Чѣмъ далѣе онъ ее

разсмотритъ, тѣмъ болѣе войдетъ въ пространнѣйшія описанія, поелику сіи произшествія болѣе ужѐ связаны съ исторіею нашихъ дней; онъ обстоятельнѣе разсмотритъ приключенія имѣвшія слѣдствія, нежели безслѣдственныя, естьли смѣю такъ сказать. Профессоръ выведетъ произхожденіе правъ, обрядовъ и законовъ, и замѣтитъ, какими случаями введены оные въ Имперію. *Должно ему назначить* Епоху, въ которую Имперскіе города здѣлались вольными, какія были ихъ привиллегіи; какъ произошла Ганза, или союзъ Ганзеатическихъ городовъ; какъ Епископы и Игумены здѣлались властительными, и изъяснить по силѣ своей, какъ Курфирсты присвоили себѣ право избирать Императоровъ. Различіе, съ которымъ правосудіе отправляемо было въ сихъ вѣкахъ

также

также не должно быть пропущено. А наиболѣе употребитъ Господинъ Профессоръ разсужденіе и искуство свое со временъ Карла V; ибо съ сей Епохи все начинаетъ быть знаменитымъ и достопамятнымъ, и постарается разобрать какъ можно лучше причины великихъ произшествій, выхвалять не взирая на различіе особъ добрыя дѣла̀ прославившихся, и хулить погрѣшности причинившихъ оныя. Когда начнутся замѣшательства вѣры, тогда долженъ онъ упомянуть о сей части исторіи по философски. Потомъ послѣдуютъ причиненныя сими смятеніями войны; важныя сіи матеріи должны также быть описаны съ заслуживаемымъ ими примѣчаніемъ. Но вотъ Швеція соединяющаяся противъ Императора; Профессору надобно сказать, что подало причину Густаву Адолфу

фу быть въ Германіи, и какія причины имѣла Франція помогать Швеціи и стоять за Протестантовъ; не повторяя притомъ древнихъ лжей, которыя легковѣрные историки распространили. Онъ не подтвердитъ напримѣръ, что Густавъ Адолфъ убитъ Нѣмецкимъ Принцемъ, служившимъ въ его арміи, потому что сіе ни правдиво, ни доказано, и ни вѣроятно. Замиреніе Вестфальское потребуетъ ужѐ обстоятельнѣйшаго описанія; ибо сдѣлалось основаніемъ Германской вольности, и закономъ ограничивающимъ власть Императорскую, на которомъ основанъ нынѣшній нашъ уставъ. Послѣ онаго предложитъ Професоръ, что происходило при владѣніяхъ Императоровъ Леополда, Іосифа I, и Карла VI. Пространное сіе поле снабдитъ его вещами коими можетъ онъ изощрить знаніе

свое

свое и разумъ, особливо тогда, когда онъ ничего существеннаго не пропуститъ. По представленіи всѣхъ примѣчанія достойныхъ произшествій каждаго вѣка, должно ему дать отчетъ въ принятыхъ мнѣніяхъ и въ людяхъ, наиболѣе прославившихся своими достоинствами, изобрѣтеніями, открытіями и сочиненіями, и стараться не позабыть и о иностранныхъ современникахъ Нѣмцовъ, о коихъ онъ говоритъ. Я думаю, что прошедъ упомянутымъ образомъ исторію и народъ послѣ народа, оказали бы услугу учащимся, естьлибъ собрали всѣ сіи матеріи и представили бы имъ во всеобщемъ описаніи. Въ такомъ-то сочиненіи нуженъ наиболѣе порядокъ лѣтоисчисленія, дабы не смѣшать времяна, и дабы научиться вмѣщать каждое знаменитое приключеніе

ченіе по порядку, которое оно должно занять; современиковъ съ современиками; а чтобъ не отягощена была память изчисленіями, не худо бы было определить Епохи, въ которыя знатнѣйшія произходили перемѣны; они бы составили для памяти столько же полезныхъ справокъ, которыя легко во оной удерживаются, и препятствуютъ безпредѣльной сей смѣси Исторіи перемѣшаться въ головѣ молодыхъ людей. Предложенный мною теперь къ обученію Исторіи способъ, долженъ быть хорошо учрежденъ, выдуманъ съ глубокимъ разсужденіемъ и чистъ отъ всякихъ бездѣлицъ. Профессоръ не долженъ ссылаться ни на Ѳеатръ Европейскій, ни на Германскую Исторію Господина Бюнау; а совѣтовалъ бы я ему лучше приняться за тетрати Томазія, есть ли онѣ гдѣ еще найдутся. Какое зрѣ-

зрѣлище можетъ быть важнѣе, къ ученію способнѣе, и нужнѣе для молодаго человѣка, долженствующаго войти въ свѣтъ, какъ естьли онъ пройдетъ слѣдствіе перемѣнъ, преображавшихъ столь часто видъ вселенной! Гдѣ научится онъ лучше познавать ничтожность человѣческихъ дѣйствій, какъ прохаживаясь по развалинамъ Королевствъ и пространнѣйшихъ Государствъ? и какоежъ для него удовольствіе находить въ представляющейся глазамъ его кучѣ пороковъ такія добродѣтельныя и божественныя души, кои кажутся умоляютъ за развратность рода человѣческаго! Вотъ образцы, коимъ долженъ онъ послѣдоватъ. Онъ видѣлъ толпу щасливыхъ людей ласкателями окруженныхъ; но какъ скоро смерть похищаетъ предметъ ихъ лести, то ласкатели убѣгаютъ, истинна является

ся

ся и вопль ненависти народной уничтожаетъ гласъ Панегириковъ. Я ласкаюсь, что Профессоръ будетъ имѣть столько разсудка, чтобъ назначить ученикамъ своимъ предѣлы различающіе благородное подражаніе отъ безмѣрнаго честолюбія, и что заставитъ ихъ размышлять о толикихъ печальныхъ страстяхъ причинившихъ погибель наипространнѣйшихъ областей; онъ въ состояніи доказать имъ сотнею примѣровъ, что добрые нравы были завсегда истинными охранителями Государствъ, такъ какъ ихъ поврежденіе, введеніе роскоши и безмѣрное сребролюбіе предшествовали всегда ихъ паденію. Естьли Господинъ Профессоръ послѣдуетъ предписуемому мною образцу, то не удовольствуется онъ однимъ наполненіемъ памяти учениковъ своихъ произшествіями; но будетъ стараться

раться составить ихъ разсудокъ, исправить родъ ихъ мыслей, а наипаче вперить въ нихъ любовь къ добродѣтели, что по моему мнѣнію предпочтительнѣе несовершенныхъ знаній, коими обременяютъ память молодыхъ людей.

Изо всего мною Вамъ представленнаго вообще слѣдуетъ, что должно бы было ревностно и тщательно стараться о переводѣ на нашъ языкъ всѣхъ школьныхъ авторовъ древнихъ и новыхъ языковъ, и сіе бы намъ доставило двойную пользу, составить свойства нашего языка, и сдѣлать знанія наши общественнѣе. Присвоя себѣ переводами всѣхъ хорошихъ писателей пріобрѣли бы мы новыя мнѣнія и обогатили бы себя ихъ изреченіями, нѣжностью и пріятностію. Какъ же бы умножило чрезъ то общество свои знанія? Я не

думаю, чтобЪ изЪ двапцапи шести миллiоновЪ жителей щитаемыхЪ вЪ НѢмецкой землѢ, нашлось сто тысячь знающихЪ твердо лапинскiй языкЪ, а особливо, естьли вычесть изЪ сего числа толпу поповЪ и монаховЪ, которые едва столько онаго знаютЪ, чтобЪ понуждѢ могли изЪясняться; слѢдовательно вотЪ ужè и есть двапцать пять милiоновЪ, девять сотЪ тысячь душь изключенныхЪ изЪ всѢхЪ знанiй, потому, что они не могутЪ оныхЪ приобрѢсть на своемЪ языкѢ. КакаяжЪ перемѢна можетЪ быть для насЪ щастливѢе, какЪ естьли сдѢлаютЪ сiи знанiя общественными, распространяя ихЪ повсемѢстно? ДворянинЪ препровождающiй жизнь свою вЪ деревнѢ, избралЪ бы сотвѢтствующiй состоянiю своему родЪ чтенiя, и забавляясь прiобрѢлЪ бы знанiя; грубый мѢщанинЪ

нинЪ сдѢлался бы просвѢщеннѢе; а безЪ дѢла находящіеся люди могли бы вЪ нихЪ найти прибѢжище отЪ скуки; вкусЪ кЪ словеснымЪ наукамЪ сдѢлался бы общимЪ, и распространилЪ бы вЪ обществѢ пріятность, нѢжность, удовольствіе и неизчерпаемый источникЪ способствующій ко обращенію. ИзЪ такого изощренія умовЪ произошли бы тѢ нѢжныя чувства и добрый вкусЪ, который чрезЪ быстрое разсужденіе принимаетЪ хорошее, опровергаетЪ посредственное и презираетЪ худшее. Общество учинившись такимЪ образомЪ просвѢщеннымЪ судьею, принудило бы младыхЪ сочинителей употреблять вЪ своихЪ сочиненіяхЪ болѢе старанія и раченія, и не прежде ихЪ выдавать вЪ свѢтЪ, какЪ послѢ точнаго разсмотренія и исправленія.

Способъ, который я показываю есть не собственный мой; но всѣхъ просвѣтившихся народовъ; ибо другаго нѣтъ. Чѣмъ болѣе произраститъ вкусъ къ писменамъ, тѣмъ болѣе старающіеся ихъ размножить должны ожидать отличности и успѣха; и тѣмъ болѣе возбудитъ примѣръ ихъ, прочихъ къ послѣдовалію. Германія производитъ трудолюбивыхъ къ старательнымъ изслѣдованіямъ людей, Философовъ, превосходнаго ума мужей, и такъ все то, чего мыжела емъ состоитъ только въ томъ, чтобъ сыскался Промеѳей, который бы укралъ небеснаго огня, дабы онымъ ихъ восхитить.

Страна произведшая славнаго Де Винье, Канцлера нещастнаго Императора Фридериха II. та самая въ которой родились писавшіе пи́сьма неизвѣстныхъ мужей (пре-

(превосходнѣйшихъ своего вѣка) и служившие образцами Рабелѣ, страна произведшая славнаго Еразма; коего похвальная рѣчь дурачеству вся наполнена разумомъ, и которая была бы еще совершеннѣе, естьлибъ выкинули изъ нее нѣкоторыя монашескія грубости, означающія худый вкусъ тогдашнихъ времянъ; земля зрѣвшая въ нѣдрахъ своихъ стольже разумнаго какъ и ученаго Меланхтона; словомъ сказать, та страна, которая произвела толико великихъ мужей, ими еще не пуста, и въ состояніи оказать еще многихъ таковыхъ. Коликоже великихъ мужей могъ бы я еще къ симъ причислить? Я смѣло полагаю въ число наше Коперника, который исправилъ исчисленіями своими Систему теченія планетъ, и доказалъ то, что Птоломей нѣсколько тысячь лѣтъ до него осмѣлился

лился утверждать; между тѣмъ, какъ нѣкій монахъ съ другаго края Германіи изобрѣлъ, посредствомъ химическихъ изысканій удивительныя дѣйствія воспаленія пороха; другій выдумалъ печатаніе книгъ, художество щастливое, дѣлающее хорошія книги вѣчными, и подающее обществу способъ, съ малымъ иждивеніемъ пріобрѣтать знанія; и Отто Герикъ, человѣкъ предпріимчиваго духа, которому мы одолжены за пумпу стисненнымъ воздухомъ движимую. Я конечно притомъ не забуду славнаго Лейбница, наполнившаго Европу своимъ именемъ, котораго воображеніе хотя и ввело въ нѣкоторыя систематическія мнѣнія; но совсѣмъ тѣмъ должно признаться, что и самыя его удаленія доказываютъ высокость его разума. Я бы могъ увеличить сію роспись имя-

имянами Томазія, Билфингера, Галлера и многихъ другихъ, но настоящее время того не дозволяетъ; и хвала однихъ унизила бы самолюбіе другихъ.

Я предвижу, что мнѣ можетъ быть упрекнутъ, что во время Италіанскихъ браней процвѣталъ Пико Мирандольскій. Справедливо, но онъ былъ только что ученъ. Прибавятъ, что въ то время, какъ Кромвель приводилъ въ отечествѣ своемъ все въ замѣшательство и лишалъ жизни своего Государя на Ешафотѣ, Толандъ обнародовалъ свой Левіаѳанъ, и что немного спустя послѣ него Милтонъ издалъ потерянный свои рай; что такъ же и при владѣніи Королевы Елисаветы Канцлеръ Баконъ просвѣщалъ уже Европу, и здѣлался оракуломъ Философіи, предлагая способы къ открытіямъ, и путь

къ онымъ ведущій; что въ самыя войны, бывшія при владѣніи Людовика XIV. Франція изобиловала во всякомъ родѣ хорошими авторами: для чегожъ скажутъ, были наши войны пагубнѣе писмянамъ, нежели войны нашихъ сосѣдей? Мнѣ легко будетъ имъ на то отвѣчать. Есть ли сказать правду, то въ Италіи науки процвѣтали только подъ покровительствомъ Лаврентія Медициса, Папы Льва X и Эстскаго дому. Были войны въ сіи времяна, но маловажныя, а не раззорительныя; и Италія ревнуя о славѣ, которую долженствовало ей принесть возстановленіе наукъ, по силѣ своей ихъ ободряла. Въ Англіи подкрѣпляемая мысленною славою Кромвелева Политика, домогалась только до престола: безчеловѣченъ къ своему Королю, управлялъ онъ премудро своимъ народомъ, и никог-

когда торговля сего острова не была въ столь цвѣтущемъ стоянiи, какъ подъ правленiемъ сего Протектора И такъ Бегемотъ можетъ только почестья частною книжицею. Рай Милтоновъ безъ сумнѣнiя его превосходнѣе: сей стихотворецъ былъ человѣкъ остраго воображенiя, взявшiй предметъ своеи пѣсни, въ одномъ изъ духовныхъ сочиненiи, представляемыхъ въ его время въ Италiи; однакожъ должно примѣчать, что Англiя находилась тогда въ спокойствiи и изобилiи. Канцлеръ Баконъ, прославившiйся подъ владѣнiемъ Королевы Елисаветы, жилъ при дворѣ просвѣщенномъ; имѣлъ глаза проницательнѣе орла Юпитерова, для прiобрѣтенiя знанiй, и мудрость Минервину, для собранiя и приведенiя ихъ въ порядокъ. Разумъ Бакона подобенъ тѣмъ изъ рѣдка показывающимся явленiямъ,

приносящимъ столькоже чести вѣку своему, какъ и разуму человѣческому. Во Франціи уготовило правленіе Кардинала Ришелье златый вѣкъ Людовика XIV. Свѣтъ начиналъ распространяться; и внутренное замѣшательство было не иное что, какъ ребячья игрушка. Людовикъ XIV. жаждущъ всякаго рода славы, желалъ, чтобъ его народъ имѣлъ предъ всѣми преимущество въ словесныхъ наукахъ и добромъ вкусѣ, какъ и въ силѣ, завоеваніяхъ, политикѣ и торговлѣ. Онъ перенесъ побѣдоносныя свои оружія въ непріятельскія земли. Франція торжествовала успѣхами своего Государя не чувствуя воинскихъ разореній. И такъ неудивительно что музы любящія покой и изобиліе, поселились въ его Королевствѣ. Но что наиболѣе заслуживаетъ ваше вниманіе, Государь мой, есть то, что

что въ Италіи, Англіи и Франціи, первоупражняющіеся въ наукахъ люди и ихъ послѣдователи писали на собственномъ своемъ языкѣ. Общество принимало сіи сочиненія съ великою жадностію, и знанія вообще распространялись во всемъ народѣ. Но у насъ было совсѣмъ тому противное. Ссоры наши произшедшія отъ вѣры доставили намъ нѣсколькихъ ссорливаго духа людей, кои несправедливо разбирая, непонятныя матеріи, утверждали, потóмъ свои же заключенія сами опровергали и мѣшали брани съ Софизмомъ. *) Первые наши ученые были, какъ и вездѣ, люди наполнившіе память свою одними приключеніями, педанты безъ разсужденія. Липсій, Фрейнсгемій, Гро-

*) Софизмъ есть ложная или обманчивая заключительная рѣчь.

Гроновій, Гревій, тяжкіе возстановители нѣкоторыхъ темныхъ рѣчей, почерпнутыхъ изъ древнихъ рукописныхъ книгъ. Сіе бы могло быть въ нѣкоторыхъ вещахъ полезнымъ, но не надлежало бы имъ употреблять всѣ свои старанія на однѣ только бездѣлицы, по истиннѣ весьма маловажныя. А всего хуже было то, что суемысленная гордость сихъ Господъ желала похвалу всей Европы: отъ части, чтобъ хвастать высокимъ знаніемъ Латинскаго языка, отъ частижъ, чтобъ возбудить удивленіе въ иностранныхъ педантахъ, писали они только на Латинскомъ языкѣ; такъ что ихъ сочиненія были безполезны почти всей Германіи Изъ того произошло два неудобства, первое, что Нѣмецкій языкъ небудучи просвѣщенъ, остался отягощенъ прежнимъ своимъ

имъ незнаніемъ; другое, что большая часть народа, незнавшаго Латинскаго языка, не могши пріобрѣсть знанія, неимѣя понятія о мертвомъ семъ языкѣ, осталась по прежнему въ наигрубѣйшемъ невѣжествѣ. Вотъ неопровергаемыя истинны. Господа ученые должны иногда воспоминать, что науки суть пищи душевныя; память принимаетъ ихъ, какъ желудокъ оныхъ; но что они остаются сырыми, естьли разсудокъ ихъ не пріуготовитъ. Естьли знанія наши могутъ назваться сокровищами, то не скрывая оныя должно отворить для всеобщаго ихъ распространенія на языкѣ, знаемомъ всѣми нашими согражданами.

Не въ давномъ вить еще времяни возымѣли ученые наши люди смѣлость, писать на природномъ своемъ языкѣ, и не стыдиться быть Нѣмцами. Вы знаете, что еще очень не давно вышелъ первый

выи на Нѣмецкомъ языкѣ Словарь; я стыжусь, что толь полезное для насъ сочиненіе не предупредило меня цѣлымъ вѣкомъ; однакожъ можно примѣтить, что пріуготовляется перемѣна въ умахъ; народная слава произрастаетъ, стараются ужè нетерпѣливо сравниться съ своими сосѣдями, и хотятъ себѣ очистить путь къ Парнассу и къ храму неумирающей памяти; имѣющіе острое проницаніе *люди* давно оное примѣчаютъ. Да переведутъ же на нашъ языкъ древнихъ и новыхъ школьныхъ авторовъ. Когда мы желаемъ, чтобъ деньги имѣли у насъ свободное обращеніе, разсыплемъ ихъ въ общество, дѣлая общими науки, бывшіе прежде сего столь рѣдкими.

Чтобъ не пропустить наконецъ ничего того, что препятствовало нашимъ успѣхамъ, то скажу я о маломъ употребленіи

Нѣмец-

Нѣмецкаго языка, при большей части дворовъ Германскихъ. При владѣніи Императора Іосифа въ Вѣнѣ говорили только по Италіянски; Испанскіи языкъ превзошелъ при Карлѣ VI. а во время владѣнія Франциска I. Лотарингскаго, при дворѣ его Французскій языкъ былъ въ большемъ употребленіи, нежели Нѣмецкій: самое тоже было и при дворахъ Курфиршескихъ. Какая бы могла быть тому причина? Я Вамъ повторяю, Государь мой, что Ишпанскій, Италіянскій и Французскій языки были уже исправлены, не такъ какъ нашъ. Но успокоимся ибо тоже случилось и во Франціи при Францискѣ I. Карлѣ XI. Генрихѣ III. въ избранныхъ собраніяхъ говорили болѣе Испанскимъ, и Италіянскимъ, нежели Французскимъ языкомъ, и природный языкъ не прежде вошелъ въ употребленіе, какъ ставъ исправленъ, ясенъ, высокъ,

сокЪ, и какЪ множество школьныхЪ книгЪ его украсили живоизображающими своими выраженіями и утвердили его грамматику. При владѣніи Людовика XIV. Французскій языкЪ распространился по всей Европѣ, какЪ изЪ любви кЪ хорошимЪ авторамЪ тогдашняго времяни, такЪ и для исправныхЪ переводовЪ древнихЪ. А нынѣ сдѣлался сей языкЪ ключемЪ отверзающимЪ двери во всѣ домы, и во всѣ города̀. Поѣжжайте изЪ Лиссабона вЪ ПетербургЪ и отЪ Стокголма до Неаполя, то ВасЪ вездѣ разумѣть будутЪ, естьли Вы говорите по Французски. Единая сія рѣчь избавитЪ ВасЪ отЪ знанія многихЪ языковЪ, которые бы ВамЪ долженствовало необходимо знать и кои бы отяготили память Вашу словами, которую вмѣсто оныхЪ можете Вы наполнить знаніями, что гораздо предпочтительнѣе.

Вотъ, Государь мои, различные узы, препятствовавшие намъ столь-же скоро, какъ и сосѣди наши просвѣтиться; однакожъ часто случается, что послѣдователи превосходятъ своихъ предшественниковъ: и сіе можетъ съ нами скорѣе ожидаемаго случиться, когда Владѣтели возымѣютъ вкусъ къ наукамъ; и ободрятъ въ нихъ упражняющихся, похваляя и награждая тѣхъ, кои наилучше въ оныхъ успѣютъ. Естьли будемъ имѣть Медицисовъ, то произведемъ и разумныхъ мужей. Августы содѣлаютъ Виргиліевъ. Мы будемъ имѣть собственныхъ своихъ школьныхъ авторовъ; всякъ, для пріобрѣтенія пользы возжелаетъ ихъ читать; сосѣди наши будутъ учиться по Нѣмецки, при дворахъ станутъ охотно имъ говорить, и можетъ случиться, что нашъ языкъ, буду-

чи совершенъ и исправленъ распространится посредствомъ хорошихъ нашихъ писателей отъ одного края Европы до другаго. Сіи златые дни словесныхъ нашихъ наукъ еще не приспѣли; но приближаются. Я Вамъ оные предвѣщаю, и они начинаютъ ужѐ оказываться, но я ихъ не увижу, лѣта мои лишаютъ меня сей надежды. Я какъ Моисей, вижу изъ далека землю обѣтованную, но не вниду въ нее. Простите мнѣ сіе сравненіе. Я оставляю Моисея съ его достоинствами и никакъ не желаю почитать себя ему равнымъ; чтожъ касается до ожидаемыхъ нами красныхъ дней для учености, то они по крайней мѣрѣ лучше голыхъ каменистыхъ горъ безплодныя Ідумеи.

